

DOI 10.15407/sociology2020.02.005
УДК 316.776

НАТАЛИЯ КОСТЕНКО,

доктор социологических наук, заведующая отделом социологии культуры и массовой коммуникации Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

NATALIA KOSTENKO,

Doctor of Sciences in Sociology, Professor, Head of Department of Sociology of Culture and Mass Communication, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)

natalia.kostenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4689-8886>

Сетевая коммуникация: алгоритмическая и рискованная связь¹

Информационные и коммуникационные пространства не просто сегодня представить полностью обозримыми, транспарентными, понятными, объяснимыми, несмотря на уверенность в том, что нам смотреть или читать, чтобы быть в курсе новостей. Казалось бы, стабильность нашего участия в получении информации надежно поддерживается рутинными практиками. В то же время, помимо очевидных изменений дискурсов и дизайнов медиа, которые мы фиксируем, операции, происходящие в цифровых полях, столь скоростные, что человеческое восприятие не в состоянии их синхронно улавливать. Повседневная включенность в информационные обмены и акты потребления едва ли дает возможность с сознанием дела отслеживать турбулентное движение информационной среды, погружая рядовых пользователей вовнутрь самых различных медиа, в грандиозные инсталляции, ими сконструированные (С. Лэш), преумножая нераспознаваемость и неразгадываемость случающегося. Простые действия по освоению и оцениванию этой среды, которые настойчиво предлагают аудиториям сведущие люди, практически выполнять, оказывается, проблематично.

Теоретическая мысль на этот счет никак не лишена воображения, развивая возникшие ранее концепции и новые идеи и комбинируя те и другие в разных сочетаниях. Полюса раздвигаются в стороны антропоцентрической перспективы и технодетерминизма, расставляя те или иные акценты в промежуточных версиях. Их немало, и большинство скорее не претендуют на всеохва-

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Системные риски нестабильного общества: бедность, социальная напряженность, культурная инволюция» (январь 2020 — декабрь 2021). Научный руководитель — доктор социологических наук Л.Г. Скокова.

Цитирование: Костенко, Н. (2020). Сетевая коммуникация: алгоритмическая и рискованная связь. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 2, 5–23.

тывающую концептуализацию информационной сферы, вмонтированной в общество и вместе с тем располагающей внушительной автономией, и остаются гипотетическими, артикулирующими отдельные аспекты в представлениях о ее бытовании. Весьма схематично теоретические абстракции и наблюдаемые практики склоняются к моделям паритетного взаимодействия human–nonhuman агентов либо усиливают привилегии каждого. Все это представляют сегодня не столько в развернутых теоретических нарративах, сколько отгалкиваясь от кейсов, событий и опыта или, по крайней мере, в их сопровождении, не выдвигая при этом цели репрезентативного обзора, но удерживая в поле зрения неординарную социальную реальность и позволяя точнее понимать ее состояния и риски непредвиденных трансформаций и мутаций. Это же позволяет конструировать релевантные инсайты, возможно, разместив их в концептуальном словаре, подобно Реймонду Уильямсу с его известным вокабуляром исторических значений столь сложного имени, как “культура”, который состоит из более чем ста двадцати понятий, создающих вариативность идентификаций от земледельческих представлений до взгляда на культуру как “вещь в себе” и образ жизни во всех своих переменных [Williams, 1983].

Без имени “медиа”, как и многих других, от него производных или с ним соотносимых, сегодня подобные словари немислимы. Одно из них — “алгоритм”.

Взаимодействие human–nonhuman: алгоритмическая культура

Пересечение эффектов цифровых медиа-технологий и культурных истолкований реальности все чаще находят в представлениях об *алгоритмической культуре* [Galloway, 2006; Striphas, 2015; Karppi, Crawford, 2016]. Понимание алгоритма как интерпретативного ключа современной рациональности сопряжено с переключением внимания современной теории с субстанции на математическую функцию (Кассирер) и соответствующим переходом в практической сфере. Здесь приоритетность выпадает на алгоритм, рассматриваемый будь то в духе материализации в машинах, бюрократической модели, культурной ритуальности и перформативности или же в рамках практик потребления, но отличающийся общей логикой — рекурсией, рекурсивной функциональностью [Totaro, Ninno, 2014]. Это не означает, что идеи содержания и связанные с ним понятия, категории и классификационные ряды, глубоко внедренные в западную культуру, полностью вытеснены функцией [Totaro, Ninno, 2014: p. 29]. Напротив, концепты субстанции и функции переплетаются, порождая смешанные, гибридные образования, анализ которых проливает свет на последствия действий алгоритмической нормативности в современных обществах.

Вполне понятно, что занесение “алгоритма” в ключевые термины, относящиеся к культуре [Striphas, 2015], вызвано тем, что в последние десятилетия такая культурная работа, как классификация, сегментация, распределение культурных статусов в поле культуры, да и определение размеров этого поля и его архитектуры делегируются вычислительным процессам. Распространенное значение алгоритма, понятное современному человеку, сводится к формализованному процессу или последовательности пошаговых процедур, часто выражаемой математически, в то время как семантическая история понятия достаточно древняя и разветвленная, наследующая пер-

сидскую, арабскую и греческую родословные, представленная во множестве источников и не исключая разночтений (см., напр.: [Кормен, 2015; Шилов, 2015]). Возможно, уместным остается и такое семантическое измерение алгоритма, как “секретный код”, который допустимо взломать и подвергнуть расшифровке [Striphas, 2015: p. 405]. Сегодня дело не просто в расширении привычной культурной статистики международных и национальных структур и кросс-культурных исследований, что, в общем-то, демонстрирует работу алгоритмов [Скокова, 2018: с. 42–58]. Имеется в виду постоянное совершенствование и оптимизация мониторинговых инструментов в компьютерных системах и социальных сетях, работа с big data, крупномасштабные расчеты и их аналитика. Действительно, авторитетные компьютерные платформы — Google, Facebook, Twitter, Netflix, Amazon — превратились в основные хабы для взаимодействия онлайн. Их поисковые или оценивающие алгоритмы притязают на объективность и эгалитаризм, оповещая о том, что на сегодняшний день достойно всеобщего внимания, что есть культурной преференцией, ими же вычисленной, погашая энтропию, производя и поддерживая упорядоченность в культурной многоликости и разнообразии, а также контролируя действенность и актуальность такого положения дел. Так, скажем, как в случае Google, который “в течение многих лет ... использовал свой загадочный, казалось бы, всезнающий алгоритм, чтобы, как говорится в его заявлении о миссии, “организовывать мировую информацию”” [Levy, 2010].

Сомнения касательно непредвзятости и правильности, а возможно, и цензурирования расчетов, да и собственно того, на каких содержательных характеристиках они основаны (частотных, скоростных, контекстуальных, словообразовательных и т.п.), возникают, как правило, только тогда, когда они явно не оправдывают ожиданий. Допустим, в отношении Twitter Trends, не выдвигавших осенью 2011 в топ-темы #occupywallstreet и #occupyboston даже в тех городах, где протестные движения набирали силу и обсуждались в СМИ, или #wikileaks, когда массивы дипломатических телеграмм уже были обнародованы [Gillespie, 2011]. Или же вспомним исключение в свое время из списков поиска и бестселлеров Amazon эротической литературы, что объяснялось позже технической ошибкой [Striphas, 2015: p. 396–397]. Примеров немало, они повсеместно множатся и становятся ординарными. Пожалуй, нам так и не удастся узнать детали и особенности этих сложных алгоритмов, к которым разные статусные проприетарные, частные провайдеры, защищенные законами о коммерческой тайне, договоренностями о неразглашении и пр., обращаются для организации, управления и курирования своих огромных коллекций. Эти внушительные массивы данных, сгенерированные миллионами людей благодаря crowdsourcing, легитимируются в качестве демократических механизмов, чтобы в конкурентном состязании по поводу определения ценностей и практик отдельных социокультурных групп “пересобирать социальное”, словами Бруно Латура, на основании статистических корреляций, казалось бы, разрозненных и несопоставимых сообществ и аудиторий. “Все это делает алгоритмическую культуру звучащей, как если бы она была максимальным достижением демократической общественной культуры. Теперь любой, кто подключен к интернету, получает роль в определении “лучшего, что было подумано и сказано!” [Striphas, 2015: p. 408] (чем, собственно, была культура, скажем, для Мэтью Арнольда). В конечном же счете,

ставка перенаправляется на контроль за потреблением, что вполне отвечает тенденциям коммерциализации искусства и культуры, хотя традиционные ее формы находят доступное воплощение в медиа-форматах, транслируя уникальность и особенность культурных объектов, насколько это возможно для копий, и потребляются в проекциях как “всеядности”, так и социоструктурной гомологии [Мінливості культури, 2015].

Конечно же, имеется не одна перспектива сфокусированного взгляда в сторону социальных сетей и их потенциала пересборки культуры и социальности, когда, например, все основные платформы (Facebook, Twitter, Flickr, YouTube и Wikipedia), базирующиеся на своих собственных технологических механизмах и бизнес-моделях, рассматриваются в терминах более общей *экосистемы соединительных медиа*. Такая экосистема “питает, в свою очередь, питаясь ими, те социальные и культурные нормы, которые одновременно развиваются в нашем повседневном мире” [van Dijck, Poell, 2013: p. 21]. Она опирается на одни и те же ценности или принципы: популярность, иерархическое ранжирование, нейтральность, быстрый рост, большие объемы трафика, быстрые обороты и персональные рекомендации, учитывая корпоративные интересы компаний.

То, что может именоваться *алгоритмической культурой*, основанной на медийных процедурах в охвате суждений и настроений пользователей, и, в общем, на “связности сосуществующих human и nonhuman операторов” [Karppi, Crawford, 2016: p. 74], распространяется на самые различные общественные территории. Причем с такой интенсивностью, что социальные сети небезосновательно рассматриваются сегодня в качестве мощного инструмента в принятии политических и экономических решений или в воздействии на финансовый климат. Пожалуй, здесь исследователи озабочены значительно больше, чем в отношении культурной эволюции, которую можно детально отслеживать, фиксируя тенденции и наблюдая за переменами. Нарушения и сбои в области финансов могут быть сопряжены с разрушительными состояниями, локальными и глобальными, а опасения и предвидения на этот счет выражаются на языке существенных рисков, выводя их за пределы “текущих” в пространство производственных отношений, которые выстраиваются в контексте цифровых алгоритмических ресурсов. Констатируется возникновение “новой инкарнации капитализма”, лингвистически и коммуникативно опосредованной (К. Марацци); эпохи “алгоритмического капитализма”, требующей обсуждения проблем автоматизированного познания (Л. Паризи); “аффективного капитализма” (Д. Парикка), понимаемого “не столько как субъект, которому нужно сопротивляться, сколько как аппарат захвата, как его определяли Делез и Гваттари. В этом смысле, это логика силы, или абстрактная машина для культивации и захвата аффективных миров” [Parikka, 2014: p.10] с целью управления ими и создания стоимости.

Резонансные события на фондовых рынках усиленно стимулируют интеллектуальный дискурс на этот счет. Показательно сообщение во взломанном аккаунте Associated Press Twitter @AP 23 апреля 2013 года в 13.07 ET о взрывах в Белом доме и ранении Обамы, мгновенно получившее тысячи ретвитов, в результате чего промышленный индекс Dow Jones упал на 143,5 балла, стоимость почти 136,5 млрд долларов из индекса Standard & Poor's 500 была уничтожена. Твит был быстро раскрыт как результат злонамеренного вмешательства, и рынки восстановились менее чем за пять минут [Karppi,

Crawford, 2016]. Выразительный кейс, чтобы представить себе, насколько уязвимы мировые финансовые структуры в отношении дезинформации в социальных сетях. Разобраться в запутанностях и ризомах траекторий и эффектов алгоритмических взаимодействий затруднительно из-за скорости, неопределенности и запатентованной природы алгоритмов. С тем чтобы точнее идентифицировать основных акторов подобных событий в алгоритмическом и социальном пространствах и системы власти, которые они мобилизуют, необходимо, как настаивают Теро Карппи и Кейт Кроуфорд, развитие теории, где ведущими перспективами выступали бы социология сетевой культуры медиа и социология финансов с привлечением современного гуманитарного, политэкономического и компьютерного знания. При этом устанавливаются три фокуса, требующих обсуждения: *использование крупномасштабных данных, роль микротемпоральности и аффективные инфекции*, способные производить экономический эффект [Карппи, Crawford, 2016].

Речь идет о реактивном взаимодействии сложных алгоритмических режимов, один из которых сортирует огромное количество данных, отслеженных в текстах и эмоциональных настроениях социальных сетей, и доводит результаты подписчикам в режиме реального времени, другой — соотносится с ритмами финансовых операций и высокочастотных торговых сделок, что выходит за рамки сугубо антропоцентрических аргументов. Такие системы, как программное обеспечение Dataminr¹, которое просматривает 340 миллионов ежедневных сообщений в Твиттере, оценивая в них важность, смыслы, эмоции большого количества людей, преобразуют сигналы социальных сетей в информацию и ценность для финансовых структур и трейдеров. Поскольку операции осуществляются со скоростью, не воспринимаемой человеческими органами чувств, программа ориентирована на “предсказание настоящего”, технологически рационализируя фондовые рынки и делая их более предсказуемыми [Карппи, Crawford, 2016: pp.76–80]. В то же время не завершающиеся дискуссии по поводу исследовательского потенциала big data из социальных сетей, который все активнее эксплуатируется приумножающей мощности индустрией, склоняют думать, что прогнозы на их основе остаются все еще формой предположений, нередко содержащих двусмысленные допущения относительно чувствительности, значения, валидности и репрезентативности. Из перспективы напряжения между философией и технологией, связанного с критикой инструментального разума и цифровых автоматизированных алгоритмов, охватывающих области аффектов и убеждений, знания и лингвистических компетенций, а также способов взаимодействия вроде мировой сети мобильных телефонов или банкинга, проясняется, что данные на выходе вычислительных процессов в виде пошаговых действий обычно количественно превышают вводные данные. На алгоритмические интеракции существенно влияет считывание произвольностей, спонтанностей, множест-

¹ Dataminr — глобальная компания по поиску информации в режиме реального времени, основанная Тедом Бейли в 2009 году. Dataminr использует доступные метаданные Twitter, авторитет источника, частоту ключевых слов наряду с другими контекстуальными факторами (исторические и параллельные характеристики событий, геолокация отправки твитов, их группировка, частота их ретвитов, то, как и кем они распространяются, молниеносно устанавливая их ценность для потребителя. Близкие по функциональности известные программы — RavenPack, Gnip, DataSift и Topsy.

венности вариаций, что может изменять операции, предусмотренные программой, доращивая, корректируя их и сообщая таким интеракциям динамичность. "... В вычислительной теории калькуляция случайности или бесконечностей сегодня превратила то, что было обозначено как *неисчислимости*, в новую форму вероятностей, которые одновременно дискретны и бесконечны" [Паризи, 2019] (курс. мой. — *Н.К.*).

Таким образом, неисчислимость становится условием автоматизированных исчислений. В их проекции на финансовые рынки (разумеется, в случае авторитетных источников, напр., Associated Press Twitter) "мы можем ясно увидеть сугубо психологический переход от неопределенности к вероятности, переход, который просто облегчается, усиливается, упрощается и форматируется путем распространения инструментов учета и вычислительных устройств" [Latour, Lepinau, 2009: p. 62–63]. Так замечают Бруно Латур и Венсан Лепинэ в предисловии к работе Габриэля Тарда "Экономическая антропология". Но и экономика, в свою очередь, благодаря распространению стоимостных показателей изменяет исчислимость самого социального, сообщая ему "небольшую дополнительную предсказуемость" [Latour, Lepinau, 2009: p. 63]. Это близко к тому, что имел в виду Габриэль Тард, рассуждая в начале прошлого века о биржевой статистике, которая помимо публичного представления финансовой динамики указывает на "колебания общественного доверия относительно успеха определенных предприятий и ... изменения общественных желаний и интересов" [Tarde, 2000: p. 22].

Взаимная обозримость социальных, экономических и прочих алгоритмических систем, обладающих властью обрабатывать большие данные мгновенно, фактически изымая или, по меньшей мере, заметно спрессовывая время для уместных человеческих решений, как утверждает исследователь медиа М. Хансен, ссылаясь на Энди Кларка и Кэтрин Хейлс, концептуализируется, в частности, в терминах "технического распределения" (*technical distribution*) познания и "восприятия как способа понимания сложных взаимосвязей между людьми и машинами, которые типичны для нашего современного мира, но которые фактически являются частью техногенеза человека с самого его возникновения" [Hansen, 2012: p. 32].

Такие взаимосвязи Хансен называет "гибридами системы-среды" (*system-environment hybrids*), опираясь на теорию индивидуации Жильбера Симондона, который занимался "сутью технического" с середины прошлого века, понимая, что технологии превращаются в определяющий фактор конституции бытия, и в свое время оказал влияние на Делеза, Бодрийера, Латура [Свирский, 2016; Делез, 1995: с. 132]. Среди сегодняшних теоретиков медиа он привлекает все больше внимания своими гипотезами о связи природы технических объектов с эволюциями постиндустриальных сетей, которые он выдвигал задолго до появления интернета, оставаясь, тем не менее в пространстве "парадигмы сложности" (требующей, впрочем, специального обсуждения). Согласно Симондону, "индивидуация" понимается процессуально — как онтологическое становление любых живых существ или технических объектов в процессе достижения ими конкретных форм воплощенности. Причем индивиды и неживые устройства остаются и в дальнейшем энергетически и информационно связаны с метастабильной областью *пред-индивидуального*, за пределами "ассоциированной" среды, с которой они в контакте. Для Хансена это означает, что индивидуация включает

двухуровневую связь между индивидом и близким технологическим миром: фактическую связь с окружающей средой и виртуальную связь с доиндивидуальной реальностью. Здесь прошлое и будущее перекликаются в событии трансдукции как реализации потенциалов возникновения нового материального качества, что воодушевленно поясняет Симондон на примере работы турбины Guimbal за счет полифункциональных потенциалов основных материй воды и нефти, когда их поля соединяются в автоматическом соотношении изобретения [Simondon, 2012; Massumi, 2012]. Возможно, это точнее отражает сложное погружение человека в то, как он взаимодействует с технологиями, воспринимая их производящими квазинезависимую, когнитивную и перцептивную деятельность. Однако речь не идет о некоей технологической трансцендентности, или медиа-археологии в терминах немецкой традиции, что привносит в будущее сомнения по поводу решающего значения людской преднамеренности. Но в то же время это не исключает “операционной слепоты сознания” субъекта, пребывающего в умной самореферентной среде, которая куда более оперативна и опережает этого субъекта в осведомленности на свой счет [Hansen, 2012].

Botnets: распределенная субъектность

Стремительно обновляемые медиа-технологии постоянно ускользают из-под контроля тех, кто должен или желал бы его осуществлять — и не только тогда, когда дают сбой по разным причинам или запускают вирус в онлайн-системы, подчиняясь людским интенциям и стимулируя индустрию информационной безопасности. Учащаются кейсы, которые не исчерпываются аргументацией в духе инструментального отношения к технологическим устройствам медиа и артикуляции исключительной активности человеческих агентов, не приемлемой для “феноменологии” технических объектов Симондона, полагавшего, что технический объект, понятый в своей сути, то есть “такой, каким человек его изобрел, помыслил, позволил и признал, становится опорой и символом этого отношения, которое мы хотели бы назвать трансиндивидуальным” [Симондон, 2015], то есть тем, что активизирует энергетические и информационные потенциалы доиндивидуальной реальности. Важнейшая способность машин — функционировать вне или за пределами области опыта, занимаемой людьми, но тем не менее в более широкой связи с ними, — трансформирует статус “субъекта”, рассредоточивая его как центростремительного агента, согласно тезису о “техническом распределении” субъективности и познания, наделив отсылкой к естественной сензитивности [Hansen, 2012: p. 42]. Вообще говоря, текущие дискурсы по поводу динамических соотношений критического мышления с цифровыми экологиями на фоне актуализации неисчислимой функции разума могут как мягко указывать на горизонты и пределы человеческой субъектности, так и более радикально констатировать становление “чужеродного” субъекта технологий, отсылая к тому, что система калькуляции обладает собственной внутренней логикой движения, и в конечном счете — к автономному машинному режиму мышления [Паризи, 2019a].

Наблюдаемое распространение алгоритмической автоматизации, ведущей происхождение от машины Тьюринга, дает к этому немалые основания. Внимание фокусируется на феномене “хактивизма” — атаки распределенного отказа в обслуживании (DDoS, Distributed Denial of Service), имеющей

целью сделать интернет-хостинг недоступным для его предполагаемого пользователя, как правило, в знак протеста против политических действий, агрессивных, дискриминационных или попирающих, по мнению активистов, принципы демократии, то есть составляющей акт электронного гражданского неповиновения. С начала 2000-х годов такие атаки все чаще осуществляются средствами ботнетов (botnets) — сетей зараженных компьютеров-зомби, которые отправляют поддельные запросы к целевому веб-сайту без согласия их пользователей [Deseriis, 2017].

Исследователь эволюции DDoS хактивизма Марко Дезериис выделяет в ней раннюю концептуальную фазу, когда с середины 1990-х годов активисты вручную приостанавливали на несколько минут доступ к официальным аккаунтам, организуя скорее символический протест, коллективный акт сопротивления (по поводу, например, ядерной политики французского правительства). Второй этап характеризуется запуском совместно с Электронным Театром Беспорядков (Electronic Disturbance Theatre), презентующим виртуальные сидячие забастовки как новый вид драмы, сети FloodNet, которая использовала специальные программные обеспечения, предназначенные для автоматизированной перезагрузки веб-страницы. От пользователей требовалось согласие только в момент запуска приложения, затем они могли продолжать протест на улице или заниматься чем-либо еще, пока домашние компьютеры работали от их имени. Возможность активировать программу через веб-сервер без ее обязательной установки лично пользователем централизовала исходную точку атаки, включая право в любой момент закрыть протест, отследить местоположение участников, которые не скрывали своих IP-адресов, считая виртуальное неповиновение законной формой инакомыслия. И наконец, третья фаза предполагает мобилизацию ботнетов — сетей инфицированных компьютеров с удаленным управлением для выполнения DDoS, что обнаруживает их автономию и эмерджентность по отношению к пользователям, для которых они невидимы, и, по сути, фиксирует онтологический сдвиг в статусе “хактивизма” в сторону расширения возможностей превышать исчислимость программного замысла за счет быстро развивающейся топологии, способности обрабатывать разнообразные задачи, совершенствовать самое устойчивое программное обеспечение своего времени для того, чтобы размножаться [Deseriis, 2017: p. 147–149]. Но не только. Содержательно комплексы ботнетов могут быть нейтральны, сдаваться в аренду “ботмастером”-менеджером и генерировать информацию из недифференцированного потока данных интернет-трафика для разных политических и неполитических целей, включая посещение веб-платформ правительств и неправительственных организаций, доставку спама, кражу финансовых данных у интернет-пользователей, вымогательство денег от компаний через предотвращение доступа клиентов к их веб-сайтам. То есть ботнеты можно понимать как “специализированные машины, чья эффективность и устойчивость не зависят от конкретного использования людьми, с точки зрения Симондона, — машины с высокой степенью неопределенности” [Deseriis, 2017: p. 133]. Этическая сторона вопроса становится здесь еще более противоречивой, сохраняя дилеммы поддержки гражданской активности и осуждения неблагоприятных задач, которые являются внешними по отношению к ретикулярной организации технического мира. Соответственно, совершенствуется и правовая регуляция подобных практик [Galloway, 2006; Батлер, 2018; Deseriis, 2017].

В попытках понять онтологию социотехнической реальности, сосуществования и взаимодействия людей и машин, особенно обладающих аутопойетической потенцией, таких как веб-сети, нередко присутствует и некая замороженность непостижимостью принципов их функционирования и эффективности результата, наделяя последние шансом на анимацию, что может скрываться за рациональными и метафорическими аллюзиями. Согласно Гваттари, в машине есть “живой” аспект, некая провозглашаемая способность быть чем-то большим, чем просто совокупность своих частей, всех элементов, из которых она состоит, энергия побуждать творческое движение. “Она способна к самоорганизации, обратной связи и самореференции даже в своем механическом состоянии” (цит. по: [Lazzarato, 2006]). Впрочем, согласно концептуальной паре “*социальное подчинение & машинное порабощение*”, прописанной в “Тысяче плато” Делеза и Гваттари, альянсы и отчужденности человека и машины рассматриваются логически выразительно и проецируются на исторически обусловленные системы власти. “Порабощение существует, когда сами люди являются составными деталями машины, которую они komponуют между собой и с другими вещами (животные, инструменты) под контролем и руководством высшего единства. Но есть подчинение, когда высшее единство конституирует человека как субъекта, который относится к объекту, ставшему внешним, так что этот объект сам может быть животным, инструментом или даже машиной — тогда человек уже является не компонентой машины, а рабочим, потребителем” [Делез, Гваттари, 2010: с. 63].

Данную модель детально интерпретирует Маурицио Лаццарато в контексте производства субъектности применительно к телевидению (как это делают и сами авторы модели, но скорее мимоходом). *Социальное подчинение* создает и распределяет роли и функции, культивирует социальное измерение, продвигает нас в индивидуации, наделяя субъектностью посредством таких категорий, как личность, пол, профессия, национальность, и действуя на молярном уровне индивида, коллективных договоренностей, которые находятся внутри нас и которые мы транслируем в языке и коммуникации. Телевидение эксплуатирует небольшое количество устоявшихся, кодифицированных утверждений доминирующей реальности, и телевизионная машина, обладающая многочисленными способами выражения и убеждения, извлекает субъекта, который воспринимает и чувствует себя абсолютной и индивидуальной причиной и источником своих высказываний, своих слов и своих воздействий. Однако “под складками его ментальной реальности лежит доминирующая реальность” [Lazzarato, 2006]. *Машинное порабощение*, в свою очередь, действует на молекулярном уровне и состоит в мобилизации и модуляции доиндивидуальных, прекогнитивных и довербальных компонентов субъективности, в результате чего аффекты, восприятия и ощущения, пока еще не идентифицированные или не назначенные субъекту, функционируют как элементы сборки в машине. В случае с телевидением — как элементы ввода и вывода, простые реле телевизионного устройства, облегчающие или блокирующие передачу информации, коммуникации и знаков. Машинное порабощение действует, не производя различий между human и nonhuman, между субъектом и объектом, разумным и понятным [Lazzarato, 2006].

Можно сказать, социальное подчинение предполагает людей и машины как полностью автономные сущности (субъект и объект), между которыми

устанавливаются непреодолимые границы. Машинное порабощение, напротив, предполагает людей и машины как открытые множества [Lazzarato, 2006]. "... Современное осуществление власти, — заключают Делез и Гваттари, — не сводится к классической альтернативе “репрессия или идеология”, но предполагает процессы нормализации, модуляции, моделирования и информации, касающиеся языка, восприятия, желания, движения и т.д. и проходящие через микросборки. Именно эта совокупность включает в себя сразу и подчинение, и порабощение, взятые в своих крайностях, как две одновременные части, постоянно усиливающие и питающие друг друга” [Делез, Гваттари, 2010: с. 63], то есть формирует два сосуществующих полюса.

Спроецировав концептуальную матрицу “социального подчинения & машинного порабощения” на интернет, можно обнаружить, помимо ожидаемых верификаций, подобно случаю телевидения, и некоторые особенности, что сдерживает признание этой матрицы исчерпывающей или универсальной для коммуникативных сетей. Марко Дезериис, ссылаясь на исследователей “хактивизма”, обращает внимание на следующие различия. На означаемом уровне социальных идентичностей интернет-пользователь постоянно побуждается к тому, чтобы расширить роль “простого зрителя”, превратившись в ретранслятора, который может передать дальше или прокомментировать полученную информацию, то есть стать субъектом высказывания — позиция, которую телевидение обычно оставляет за избранными. На означаемом уровне встроенности в машинную коммуникацию, вклад интернет-пользователей может превосходить значимость разработчиков программного обеспечения, корректирующих свои протоколы и приложения, ориентируясь на предпочтения и практики участников взаимодействия с компьютером и посредством компьютера. В этом смысле интернет правомерно именуется генеративной технологией, которая позволяет безымянным кодировщикам расширить ее в новых и непредвиденных направлениях. Эволюция феномена “хактивизма”, как показывает Дезериис, осваивает траекторию *от подчинения и порабощения к субъективации и генеративности*, условно говоря, двигаясь от манифестации автономии политического суждения и политического действия к автономии социотехнологического ансамбля [Deseriis, 2017: р. 142–146]. Из истории бот-сетей нетрудно предположить, что они обладают внутренним импульсом движения, увеличивая вычислительную мощность и реконфигурируя первоначальные задачи политического характера, и пребывают, таким образом в процессе трансдукции, в терминах Симондона, то есть осуществляют операцию, которая постепенно структурирует домен, заполненный потенциалами или находящийся в состоянии “метастабильного равновесия”. Это происходит посредством информационного обмена, информационной диффузии между осознаваемым и доиндивидуальным, реальным и виртуальным, соотнося друг с другом эти несоизмеримые области. Собственно этим в теории Симондона определяется онтологическое значение информации, которой он стремится заменить категорию “формы” в аристотелевской схеме гилеморфизма, но также и вывести информацию из-под предопределенности кибернетической модели “отправитель — сообщение — получатель” [Piadis, 2013]. Информация для Симондона не имеет никакого содержания, никакой структуры и никакого значения. Само по себе это не что иное, как несоответствие — разница в материальных воплощениях, которое “квантовым скачком” может преодолевать порог в результате их “оперативной со-

лидарности”, запуская новый режим функционирования, качественно новое состояние, проектируя или переадресовывая будущее по его рекуррентным следам [Massumi, 2012; Simondon, 2012]. В событии “оперативной солидарности” заметно “прикосновение ментальности”, которая не связывается здесь с познавательным ресурсом, но скорее наполнена материей, ей имманентна и не гипостазирована в “Разум”, то есть рассматривается в онтологическом порядке. Именно это имеет в виду Симондон, рассуждая о “техническом менталитете” [Massumi, 2012; Simondon, 2012].

Fake news в системах контроля

Имеются, тем не менее, условно дискретные участки современных коммуникаций, где “технологическая ментальность” уступает явной привилегии human акторов, — производство “фальшивых новостей”, намеренно в разной степени искажающих происходящие события или вообще сообщающих о том, чего не было. То есть неправда — определенно человеческая конструкция коллективного или индивидуального изобретения, которое не находит объяснений за пределами социальных и культурных моделей. Индустрия насыщения информационных полей недоброкачественным форматом в виде поддельных, обманных, тенденциозных посланий о мире интенсивно укрепляется; фальшивые новости превратились в рядовой или нормативный феномен контента вещательных институтов. Изначально это скорее штучный продукт, наделенный человеческим умыслом, воображением или мрачной иронией, что мотивируется политическими, коммерческими, но также перформативными и развлекательными интенциями. Не менее интенсивно возрастают объемы программ StopFake, публичной и научной аналитики, которая практикует разные дискурсы — от сугубо академических в терминах “герменевтики подозрения” Рикера или “режимов истины” Фуко до журналистских расследований спроектированной и случайной неправды. Резонансный пример — стигматизация репортеров CNN президентом Трампом за участие в его электоральной кампании. Общий контекст таких рассуждений описывается, как правило, в семантике “постправды”, когда современные режимы истины, которые воспроизводились системой власти и нормативно идентифицировали типы суждений с притязаниями на истинные, механизмы и технологии, позволяющие отличать их от ложных, как и предписывали статусы тем, кто вправе продуцировать такие истинные высказывания, — все это утрачивает обязательность. Причем до такой степени, что в практиках “постправды” смещения систем оценивания состояний и событий можно усматривать намеренный “стратегический обман”, имеющий в общем-то давнюю историю управления людьми, политические и экономические факторы становления “дезинформационной экосистемы” [Ball, 2017].

Импlications всего того, что относят к разряду “поддельных новостей”, довольно многообразны и прибыльны, в том числе для тех структур и организаций, которые отслеживают их и разоблачают. Если шире, то речь идет не только о распространении откровенно недостоверной информации, как мы, к примеру, наблюдаем сейчас, в ситуации вирусной пандемии, но и о способах формирования новостной повестки дня, когда многие реальные события намеренно не допускают в зону видимости и какого бы то ни было присутствия. “У нас плохо с новостями вообще, а не только с фальшивыми

новостями”, цитируют медиа-исследователи Дэвида Миккельсона (сайт по проверке фактов и городских легенд Snore), имея в виду циркуляцию в национальных медиа большого количества новостей, которым недостает целостности [Corner, 2017: p. 1102]. В общественном состоянии “emergency” представлений о медиа как о “систематически искаженной коммуникации” (Хабермас) или “пропагандистских фильтрах” (Хомский) уже явно недостаточно, чтобы уверенно эксплицировать степень вероятности, с которой в информационных сообщениях производятся идеальные речевые или текстовые образцы, как это предполагалось прежде [Костенко, 2016]. Это касается и притязания на достоверное описание событий в медиа, форматы которого множатся, выскальзывая из-под действия императивов влияния на тщательно таргетированные аудитории. В любом случае, от сообщений скорее ждут правдоподобия, чем доказательств истинности, соглашаясь с тем, что большая часть информации по актуальным вопросам представлена “квазиинституциональными цифровыми актерами, действующими в своих собственных организационных интересах” [Anderson, 2010: p. 305–306].

К непосредственным производителям “fake news”, как бы объемно их ни понимать, относятся субъекты, легитимно обладающие правом на публичное высказывание, журналисты и политики, официальные спикеры, но также те, кто приобретает это право по факту, — случайные разносчики новостей. Это и так называемые боты (сокр. от *robot*) — комментаторы и активисты в социальных сетях, действующие согласно своим идеологическим или финансовым пристрастиям. Если первые сегодня откровенно манифестируют лоббистские установки, что совершенно очевидно непредвзятому наблюдателю отечественных медиа, то последние не столь заметны. По оценкам экспертов, актуальный рынок активных ботов в Украине охватывает 200 000; помимо индивидуального подряда они объединены в группы и “фермы” и квалифицируются как способные к уместному комментированию и репостам, технические функционеры, повышающие присутствие на той или иной платформе, боты для “черных кампаний” и рискованных проектов [Жишак, 2020]. Таким образом, ремесленный труд индивидуальных агентов интенсивно трансформируется в индустриальное, точнее постиндустриальное производство, основанное на алгоритмах разного масштаба, со всеми правилами, ему присущими, напоминая о социальном подчинении и машинном порабощении в словаре Делеза, но также о трансдуктивной природе информации в гипотезе Симондона, распределяющей субъектность между индивидом и технической средой.

Что касается потребления инспирированных human актерами сообщений пользователями новостных лент и социальных сетей, которые пребывают внутри алгоритмической культуры, то известные технологии воздействия, такие как “фильтрующие пузыри” (Filter Bubbles) и “эхо-камеры” (Echo Chambers), технически удерживающие аудитории в ощущениях прозрачности внешнего мира и разнообразия потребляемой информации, едва ли стоит сбрасывать со счетов. Предполагается, что, обволакивая пользователей латентными ловушками-алгоритмами, тем самым их контролируют, и таким образом программируется сегментация целевых групп, усугубляется их полярность и устойчивость. В то же время эффекты подобных технологий далеко не однозначны и не столь уж предопределенны. Существует целый пласт исследований, демонстрирующих ограниченность таких эф-

фффектов, собственно, как и любых других, на чем с 50-х годов прошлого века настаивали теории эфффектов массовой коммуникации. Оказывается, что на восприятие информации, сообщаемой различными каналами, существенно влияет регулярность и длительность коммуникации в сетях; важно также, отличаются ли эти сети сильными или слабыми связями — в последнем случае имеются в виду семейные сайты, платформы друзей и знакомых, где трансляция новостей имеет эпифеноменальный характер, но скорость их распространения значительно выше. Немаловажный фактор — наличие “вовлеченности эго” (Ego-Involvement) в тематику сообщений, которая воспринимается как важная для себя и очень личностная, что влияет на одобрение качества сообщений, близких к собственному мнению, и склоняет к согласию с тем, что оппоненты менее чувствительны к распознаванию качественных посланий и легче вводятся в заблуждение [McEwan et al., 2018]. Это привлекает к когнитивной включенности в потребление информации и афффективные модальности, различающиеся не только по эмоциональному содержанию, по его смысловой, семантической квалификации, но и по интенсивности их проявления, по до-семантическим реакциям. Интенсивность афффектов отнюдь не всегда соединяется в непротиворечивый резонанс лингвистических, визуальных и тактильных воплощений, не устанавливает линейные корреляции между ними, что фиксируется и захватывается сетевыми режимами [Massumi, 1995].

Афффекты, как известно, способны производить немалые экономические и политические влияния, как это предусматривается схемами передачи разного рода искаженной, провокативной или недоброкачественной информации, и служат закодированными и стандартизованными ресурсами механики онлайн и оффлайн в структурах управления. Впрочем, статус афффектов считается и более внушительным в формировании и воспроизводстве социального порядка. “Способность афффекта производить экономический эфффект более быстрый и надежный, чем сама экономика, — подчеркивает Брайан Массуми, — означает, что афффект сам по себе является реальным условием, внутренней переменной позднекапиталистической системы, как инфраструктура, как предприятие” [Massumi, 1995: p. 109]. Добровольно и недобровольно поставляя свои афффекты в бесперебойное функционирование сетевых алгоритмов, которые, не исключено, стараются вытеснить друг друга с близлежащих орбит, пользователи не в последнюю очередь культивируют их работу в качестве “машин желаний”, отсылающих как к безопасности, так и к рискам [Deseriis, 2017].

Аудитории традиционных медиа и социальных сетей, несомненно, в курсе собственной включенности в цифровые системы, в разной степени рефлексируют по этому поводу, манифестируя осязаемое недоверие, скепсис в отношении информационных потоков. Но далеко не всегда они восприимчивы к социальным рискам, которым подвержены. Проблемы кибербезопасности, актуализированные повсеместно, осознаются и украинскими пользователями, которые больше озабочены теми проявлениями, которые могут нанести вред им лично. По данным мониторинга “Украинское общество” 2019 года, более трех четвертей респондентов считают, что непременно требуется предотвращать интернет-мошенничество, распространение заранее ложной информации, свободный доступ к информации, которая разжигает вражду и агрессию. Две трети озабочены возможностью манипу-

лирования общественным мнением, вмешательства в выборы президента, парламента, цензуры интернета со стороны правительств или корпораций, то есть испытывают обеспокоенность уязвимостью открытых демократических обществ. При этом для молодой и образованной публики, как и можно ожидать, зона риска киберугроз зримо расширяется [Костенко, 2019].

Резонно предположить, что вне зависимости и от смещений и акцентуаций теоретической мысли относительно информационной среды и цифровых коммуникаций, и от преобразований статусов операторов и механики обменов концептуальное пространство все больше склоняется к вариациям моделирования взаимодействий human и nonhuman агентов. И тем, и другим отдают должное, совмещая дискурсы систем власти, иерархических структур и гражданского общества с пониманием “технического менталитета” как онтогенетической способности сложных машин к автономному и самореферентному развитию [Simondon, 2012; Massumi, 2012], которую было бы неправомерно ни игнорировать, ни, напротив, утрировать.

* * *

Конечно же, интеллектуальные инвестиции в исследования медиа-сферы и алгоритмической культуры сегодня не ограничиваются предпочтениями постгуманистических подходов разного типа, как и не замыкаются в пределах информационного пространства, поскольку цифровые технологии существенно повлияли на культурные, социальные, экономические порядки, если не привели к очевидному сдвигу в них. Это касается глобальных и локальных масштабов, трансформации смыслов и действий любой степени активности. Все чаще людскую жизнь, организованную в социумы, общности или как индивидуальные единицы, описывают в терминах эко-социотехнических систем, устанавливая онтологические параметры таких гибридов и переназначая территории знания атмосферных сред, с ними ассоциированных.

Причем и в контекстах европейской истории рациональности или модели познания Лумана, и в нарративах о буквальностях (как это происходит сегодня в ситуации вирусной пандемии), фиксирующих рискованную неопределенность психо-биологических факторов в общей сборке совместной жизни, разрывы систем и среды подвергаются всяческим ревизиям и пересмотру в границах ориентированных на онтологию или эпистемологию методологий. К примеру, охранные практики соблюдения социальных дистанций в условиях карантина на уровне государств и повседневности побуждают активнее рассуждать о реабилитации “почтового принципа”, который отказывается от привилегий диалога и взаимности как “неизменной сущности общения” [Krämer, 2015: p. 24] и едва ли способствует сокращению социальных расстояний между агентами асимметричных коммуникаций.

Диапазон попыток переформулировать текущую культурную ситуацию, определяемую различного рода событиями в медийном и экотехнологическом пространстве, сегодня особенно раздвинут. На фоне возрастания внимания к “трансклассическим”, “нетривиальным”, открытым машинам, которые продуцируются цифровыми технологиями и от которых ожидаются информационные обмены, в отличие от машин классических, тривиальных, закрытых, призванных работать и производить продукт [Hörl, 2012], усиливается центрация неокибернетической парадигмы во взглядах на флуктуирующую

и эмерджентную медиа-сферу, на движения культуры и, в конечном счете, на “неокибернетические режимы истины”. Социологии же, по-прежнему настроенной на постижение устройства общества и культурных изменений, этого явно недостаточно. Настоятелен поиск “нетехнической” семантики для описания нашего технологического состояния, обновление языка [Hörl, 2012: p. 117]. При этом не стоит поступаться образцами и фактичностью медиа-реальности, обеспечивающей скоростную всеобщую связь, продуцирующей новые солидарности и разобщенности, перемену смыслов, но также источающей вирулентность. То есть осмысление кибер-опасностей и кибер-неопределенностей апеллирует к дискурсивным и нон-дискурсивным интеллектуальным практикам, не забывая о том, что вступать в коммуникацию — “значит прикасаться и обмениваться, и это вовлекает нас в открытость, тем самым предлагая принять риски” [Cubbitt, 2016: p. x].

Источники

- Батлер, Д. (2018). *Заметки к перформативной теории собрания*. Москва: Ad Marginem.
- Делез, Ж. (1995). *Логика смысла*. Москва: Издательский Центр “Академия”.
- Делез, Ж., Гваттари, Ф. (2010). *Капитализм и шизофрения: Тысяча плато*. Москва: У-Фактория, Астрель. Получено с: <https://paraknig.me/reader/197852?>
- Кишак, В. (2020). *Войны ботов. Как работают украинские армии медиакиллеров в Facebook*. Получено с: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2020/02/3/7239192/>
- Кормен, Т.Х. (2015). *Алгоритмы: вводный курс*. Москва: Диалектика-Вильямс.
- Костенко, Н. (2016). В состоянии “emergency”: культурные эффекты. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 4, 16–29.
- Костенко, Н. (2019). Ризики щодо інформаційної безпеки. В: В.М. Ворона, М.О. Шульга (ред.), *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін* (вип. 6 (20), сс. 147–158). Київ: Інститут соціології НАН України.
- Милливості культури: соціологічні проєкції* (2015) / [Н. Костенко, А. Ручка, Л. Скокова та ін.]; за ред. Н. Костенко. Київ: Інститут соціології НАН України.
- Паризи, Л. (2019). Инструментальный разум, алгоритмический капитализм и неисчислимое / пер. с англ. Д. Шалагинова, под ред. Э. Сержана. *НЛО*, 4. Получено с: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/4/instrumentalnyj-razum-algoritmicheskij-kapitalizm-i-neischislimoe.html>
- Паризи, Л. (2019). “Чужой” Субъект Искусственного Интеллекта. Получено с: <http://s357a.blogspot.com/2019/03/blog-post.html>
- Свирский, Я.И. (2016). Индивидуация в перспективе парадигмы сложности. *Культура и искусство*, 6 (36), 770–781. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.6.17579
- Симондон, Ж. (2015). О способе существования технических объектов. В: М. Куртов, *Сокращенный перевод заключения из книги Жильбера Симондона “О способе существования технических объектов”*. Получено с: <https://syg.ma/@paviel-arseniev/zhiblier-simondon-o-sposobie-sushchestvovaniia-tiekhnichieskikh-objektov>
- Скокова, Л. (2018). Інфраструктура порівняльних досліджень культурної участі. В: *Участь у культурі: люди, спільноти, стани* / [Н. Костенко, А. Ручка, Л. Скокова та ін.]; за ред. Н.Костенко (сс. 42–58). — Київ: Інститут соціології НАН України.
- Шилов, В.В. (2014). Слово „алгоритм“: происхождение и развитие. В: “Потенциал”. Получено с: https://www.studmed.ru/shilov-v-v-slovo-algoritm-proishozhdenie-i-razvitiie_abe4743d919.html
- Anderson, C.W. (2010). Journalistic networks and the diffusion of local news: The brief, happy new life of the “Francisville Four”. *Political Communication*, 27, 289–309.

- Ball, J. (2017). *Post-Truth: How Bullshit Conquered the World*. Kindle edition from Biteback Publishing. Retrieved from: https://www.amazon.com/gp/product/1785902148/ref=dbs_a_def_rwt_bibl_yppi_i4
- Corner, J. (2017). Fake news, post-truth and media-political change. *Media, Culture & Society*, 39 (7), 1100–1107.
- Cubbitt, S. (2016). Preface. In: J. Parikka, *Digital Contagions: A Media Archaeology of Computer Viruses* (pp. II–X). London: Peter Lang.
- Deseriis, M. (2017). Hacktivism: On the Use of Botnets in Cyberattacks. *Theory, Culture & Society*, 34 (4), 131–152.
- Galloway, A.R. (2006). *Gaming: Essays on Algorithmic Culture*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Gillespie, T. (2011). *Our misplaced faith in Twitter Trends*. Retrieved from: http://www.salon.com/2011/10/19/our_misplaced_faith_in_twitter_trends/
- Hansen, M. (2012). Engineering Pre-individual Potentiality: Technics, Transindividuation, and 21st-Century Media. *SubStance*, 41 (3), 32–59.
- Hörl, E. (2012). Luhmann, the Non-trivial Machine and the Neocybernetic Regime of Truth. *Theory, Culture & Society*, 29(3), 94–121.
- Iliadis, A.(2013). A New Individuation: Deleuze's Simondon Connection. *Media Tropes*, IV (1), 83–100. Retrieved from: www.mediatropes.com/
- Karppi, T., Crawford, K. (2016). Social Media, Financial Algorithms and the Hack Crash. *Theory, Culture & Society*, 33 (1), 73–92.
- Krämer, S. (2015). *Medium, Messenger, Transmission: An Approach to Media Philosophy*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Latour, B., Lepinay, V. (2009). *The Science of Passionate Interests: An Introduction to Gabriel Tarde's Economic Anthropology*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Lazzarato, M. (2006). *The machine*. Retrieved from: <http://eipcp.net/transversal/1106/lazzarato/en>
- McEwan, B., Carpenter, C.J., Hopke, J.E. (2018). Mediated Skewed Diffusion of Issues Information: A Theory. *Social Media + Society*, July–September, 1–14. Retrieved from: <https://us.sagepub.com/en-us/nam/open-access-at-sage>
- Levy, S. (2010). How Google's algorithm rules the web. In: *Wired*. Retrieved from: http://www.wired.com/magazine/2010/02/ff_google_algorithm/
- Massumi, B. (1995). The Autonomy of Affect. *Cultural Critique*, 31 [The Politics of Systems and Environments, Part II, Autumn], 83–109.
- Massumi, B. (2012). "Technical Mentality" Revisited. In: G. Simondon, *Being and Technology* (pp. 19–36). Edinburgh University Press Ltd.
- Parikka, J. (2014). *Crowd, power and post-democracy in the 21st century: Jussi Parikka's interview on digital populism and recent European political phenomena, held on 17 May 2013 with the author of Obsolete Capitalism*. Retrieved from: <https://docs.google.com/file/d/0B9s9JFWZcpHob1pqTmxWT25kNUk/edit>
- Simondon, G. (2012). Technical Mentality. In: *Gilbert Simondon Being and Technology* (pp. 1–18). Edinburgh University Press Ltd.
- Striphas, T. (2015). Algorithmic culture. *European Journal of Cultural Studies*, 18 (4–5), 395–412.
- Tarde, G. (2000). *Social Laws: An Outline of Sociology*. Kitchener: Batoche Books.
- Totaro, P., Ninno, D. (2014). The Concept of Algorithm as an Interpretative Key of Modern Rationality. *Theory, Culture & Society*, 31(4). 29–49.
- van Dijck, J., Poell, T. (2013). Understanding social media logic. *Media and Communication*, 1 (1), 2–24.
- Williams, R. (1983). *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*. New York: Oxford University Press.

Получено 12.05.2020

References

- Anderson, C.W. (2010). Journalistic networks and the diffusion of local news: The brief, happy news life of the “Francisville Four”. *Political Communication*, 27, 289–309.
- Ball, J. (2017). *Post-Truth: How Bullshit Conquered the World*. Kindle edition from Biteback Publishing. Retrieved from: https://www.amazon.com/gp/product/1785902148/ref=dbs_a_def_rwt_bibl_vppi_i4
- Butler, J. (2018). *Notes Toward a Performative Theory of Assembly*. [In Russian]. Moscow: Ad Marginem. [= Батлер 2018]
- Cormen, T.X. (2015). *Algorithms: Introductory Course*. [In Russian]. Moscow: Dialectic-Williams. [= Кормен 2015]
- Corner, J. (2017). Fake news, post-truth and media–political change. *Media, Culture & Society*, 39 (7), 1100–1107.
- Cubitt, S. (2016). Preface. In: J. Parikka, *Digital Contagions: A Media Archaeology of Computer Viruses* (pp. II–X). London: Peter Lang.
- Deleuze, G. (1995). *Logic of Sens*. [In Russian]. Moscow: Publishing Center “Academy”. [= Делез 1995]
- Deleuze, G., Guattari, F. (2010). *Capitalism and Schizophrenia: A Thousand Plateaus*. [In Russian]. Moscow: U-Factoria, Astrel. Retrieved from: <https://paraknig.me/reader/197852?> [= Делез, Гваттари 2010]
- Deseriis, M. (2017). Hacktivism: On the Use of Botnets in Cyberattacks. *Theory, Culture & Society*, 34 (4), 131–152.
- Galloway, A.R. (2006). *Gaming: Essays on Algorithmic Culture*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
- Gillespie, T. (2011). *Our misplaced faith in Twitter Trends*. Retrieved from: http://www.salon.com/2011/10/19/our_misplaced_faith_in_twitter_trends/
- Hansen, M. (2012). Engineering Pre-individual Potentiality: Technics, Transindividuation, and 21st-Century Media. *SubStance*, 41 (3), 32–59.
- Hörl, E. (2012). Luhmann, the Non-trivial Machine and the Neocybernetic Regime of Truth. *Theory, Culture & Society*, 29 (3), 94–121.
- Iliadis, A. (2013). A New Individuation: Deleuze’s Simondon Connection. *Media Tropes*, IV (1), 83–100. Retrieved from: www.mediatropes.com/
- Karppi, T., Crawford, K. (2016). Social Media, Financial Algorithms and the Hack Crash. *Theory, Culture & Society*, 33 (1), 73–92.
- Kishchak, V. (2020). *Bot Wars. How the Ukrainian army of media-killers work on Facebook*. [In Russian]. Retrieved from: <https://www.pravda.com.ua/rus/articles/2020/02/3/7239192/> [= Кищак 2020]
- Kostenko, N. (2016). In the “emergency” state: cultural effects. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 4, 16–29. [= Костенко 2016]
- Kostenko, N. (2019). *Risks to information security*. [In Ukrainian]. In: *Ukrainian society: monitoring of social change* (Iss. 6 (20), pp. 147–158). Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Костенко 2019]
- Krämer, S. (2015). *Medium, Messenger, Transmission: An Approach to Media Philosophy*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Latour, B., Lepinay, V. (2009). *The Science of Passionate Interests: An Introduction to Gabriel Tarde’s Economic Anthropology*. Chicago: Prickly Paradigm Press.
- Lazzarato, M. (2006). *The machine*. Retrieved from: <http://eipcp.net/transversal/1106/lazzarato/en>
- McEwan, B., Carpenter, C.J., Hopke, J.E. (2018). Mediated Skewed Diffusion of Issues Information: A Theory. *Social Media + Society*, July–September, 1–14. Retrieved from: <https://us.sagepub.com/en-us/nam/open-access-at-sage>
- Levy, S. (2010). How Google’s algorithm rules the web. In: *Wired*. Retrieved from: http://www.wired.com/magazine/2010/02/ff_google_algorithm/

Massumi, B. (1995). The Autonomy of Affect. *Cultural Critique*, 31 [The Politics of Systems and Environments, Part II, Autumn], 83–109.

Massumi, B. (2012). “Technical Mentality” Revisited. In: G. Simondon, *Being and Technology* (pp. 19–36). Edinburgh University Press Ltd.

Parikka, J. (2014). *Crowd, power and post-democracy in the 21st century: Jussi Parikka’s interview on digital populism and recent European political phenomena, held on 17 May 2013 with the author of Obsolete Capitalism*. Retrieved from: <https://docs.google.com/file/d/0B9s9JFWZcpHob1pqTmxWT25kNUk/edit>

Parizi, L. (2019). Instrumental Mind, Algorithmic Capitalism and the Innumerable. *New Literary Review*, 4. [In Russian]. Retrieved from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/4/instrumentalnyj-razum-algoritmicheskij-kapitalizm-i-neischislimoe.html> [= Паризи 2019]

Parizi, L. (2019a). “Alien” Subject of Artificial Intelligence. [In Russian]. Retrieved from: <http://s357a.blogspot.com/2019/03/blog-post.html> [= Паризи 2019a]

Shilov, V.V. (2014). The word “algorithm”: the origin and development. In: “Potential”. [In Russian]. Retrieved from: https://www.studmed.ru/shilov-v-v-slovo-algoritm-proishozhdenie-i-razvitie_a6e4743d919.html [= Шилов 2014]

Simondon, G. (2012). Technical Mentality. In: *Gilbert Simondon Being and Technology* (pp. 1–18). Edinburgh University Press Ltd.

Simondon, G. (2015). *On the mode of existence of technical objects*. In: M. Kurtov, *Abbreviated translation of the conclusion from the book by Gilbert Simondon “On the mode of existence of technical objects”*. [In Russian]. Retrieved from: <https://syg.ma/@paviel-arsieniev/zhibier-simondon-o-sposobie-sushchestvovaniia-tiekhnichieskikh-objektov> [= СИМОНДОН 2015]

Skokova, L. (2018). Infrastructure of comparative research of cultural participation. [In Ukrainian]. In: *Participation in culture: people, communities, states* (pp. 42–58). Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Скокова 2018]

Striphas, T. (2015). Algorithmic culture. *European Journal of Cultural Studies*, 18 (4–5), 395–412.

Svirskii, Ya.I. (2016). Individuation in the perspective of the complexity paradigm. [In Russian]. *Culture and Art*, 6 (36), 770–781. Retrieved from: www.nbpublish.com. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.6.17579 [= Свирский 2016]

Tarde, G. (2000). *Social Laws: An Outline of Sociology*. Kitchener: Batoche Books.

Totaro, P., Ninno, D. (2014). The Concept of Algorithm as an Interpretative Key of Modern Rationality. *Theory, Culture & Society*, 31(4). 29–49.

van Dijck, J., Poell, T. (2013). Understanding social media logic. *Media and Communication*, 1 (1), 2–24.

Variability of culture: sociological projections (2015). [In Ukrainian]. / [N.Kostenko, A.Ruchka, L.Skokova, etc.]; ed. By N. Kostenko. Kyiv: Institute of Sociology, NAS of Ukraine. [= Мінливості 2015]

Williams, R. (1983). *Keywords: A Vocabulary of Culture and Society*. New York: Oxford University Press.

Received 12.05.2020

НАТАЛІЯ КОСТЕНКО

Мережева комунікація: алгоритмічний та ризикований зв’язок

У статті описано способи міркування про сучасну алгоритмічну культуру, яка визначається комунікативними режимами мереж. Підкреслюється, що незалежно від зміщення та акцентуації теоретичної думки щодо інформаційного середовища і цифрових комунікацій, перетворень статусів операторів і механіки обмінів, концептуальний простір дедалі більше схиляється до варіації моделювання взаємодії нитан і понитан агентів. При цьому віддають належне і тим, і тим, поєднуючи дискурси систем влади, ієрархічних

структур і громадянського суспільства з розумінням “технічного менталітету” (Симондон) як онтогенетичної здатності складних машин до автономного та самореферентного розвитку, яку було б неправомірно ігнорувати або, навпаки, перебільшувати.

Ключові слова: алгоритмічна культура, антропоцентризм, технодетермінізм, медіа, соціальні мережі, Жильбер Симондон, “технічний менталітет”

НАТАЛИЯ КОСТЕНКО

Сетевая коммуникация: алгоритмическая и рискованная связь

В статье представлены способы рассуждения о современной алгоритмической культуре, определяемой коммуникативными режимами сетей. Подчеркивается, что вне зависимости от смещений и акцентуаций теоретической мысли относительно информационной среды и цифровых коммуникаций, преобразований статусов операторов и механики обменов, концептуальное пространство все больше склоняется к вариациям моделирования взаимодействий human и nonhuman агентов. При этом отдают должное тем и другим, совмещая дискурсы систем власти, иерархических структур и гражданского общества с пониманием “технического менталитета” (Симондон) как онтогенетической способности сложных машин к автономному и самореферентному развитию, которую было бы неправомерно игнорировать или, напротив, утрировать.

Ключевые слова: алгоритмическая культура, антропоцентризм, технодетерминизм, медиа, социальные сети, Жильбер Симондон, “технический менталитет”

NATALIA KOSTENKO

Network Communication: Algorithmic and Risky Connection

The article presents methods of reasoning about the modern algorithmic culture defined by the communicative modes of networks. It is emphasized that, regardless of the biases and accentuations of theoretical thought regarding the information environment and digital communications, the transformation of operator statuses and the mechanics of exchanges, the conceptual space is increasingly leaning towards variations in modeling the interaction of human and non-human agents, in parity or enhancing the privileges of everyone. In support of this, cases of mutual observability of complex algorithms of status online platforms and financial markets, that increases their micro-temporal predictability; the use of botnets of infected computers without the consent of their users in an attack on targeted websites, demonstrating the capabilities of internal machine logic; broadcasting “fake news” in informative practices inspired by human intentionality and adjusted by network generativity are considered. In attempts to discuss socio-technical media reality, discourses of power systems, hierarchical structures and civil society are combined with an understanding of the processes of “social submission” and “machine enslavement” (Deleuze, Guattari), the “technical mentality” (Simondon), as the ontogenetic ability of complex machines to autonomous and self-referential development, that should not be ignored or exaggerated. The search for “non-technical” semantics for describing the media state, updating an acceptable language for sociology, without losing the patterns and facts of media reality, providing a speedy universal connection, producing new solidarity and disunity, changing meanings, but also exuding virulence, remains urgently needed.

Keywords: algorithmic culture, anthropocentrism, techno-determinism, media, social networks, Gilbert Simondon, “technical mentality”